

СЕКЦИЯ 1.
ГЕОГРАФИЯ ЕВРАЗИЙСКИХ МИГРАЦИЙ;
ВЕЛИКИЕ МИГРАЦИИ ЭПОХИ АНТИЧНОСТИ

Н. Н. Болгов, М. Л. Рябцева,
*Белгородский государственный
национальный исследовательский университет,
Россия, г. Белгород*

Гунны и Боспор в V в.

Гунны, которые до недавнего времени считались разрушителями Боспора в 370-е годы, по всей видимости, как убедительно показал А.И. Айбабин, вошли в Крым с севера лишь на рубеже IV-V вв. или в начале V в., а не ранее [1, с. 73]. Их погребения этого времени локализуются в степной Таврике, а на Боспоре – до Узунларского вала, исключая единичные находки в Керчи. Гунны, видимо, разрушили Феодосию и западную часть Боспора, двигаясь с запада. Остальная часть европейского Боспора от гуннов не пострадала.

В середине V в., в эпоху державы Аттилы, северопричерноморские и северокавказские степи входили в сферу влияния гуннов. При гуннской гегемонии в степном Крыму постоянного населения в I пол. V в., по-видимому, не было. Доминировало здесь кочевое племя альциагиров, которых Иордан помещал в степях «около Херсоны, куда жадный купец возит богатства Азии; летом они бродят по степи, раскидывая свои становища в зависимости от того, куда привлечет их корм для скота, зимой же переходят к Понтийскому морю» (Iord. 37). Действительно, Крымская степь не приспособлена для интенсивной круглогодичной эксплуатации выпасов и нуждается в ежегодном восстановлении травяного покрова. Это достигалось кратковременностью сезонных перекочевков. В степном Крыму из-за этого ни одно кочевое племя не могло оставаться надолго. Кроме того, постоянные передвижения племен в условиях Великого переселения народов не способствовали политической стабильности в Крымской степи.

Укрепление института наследственной власти у гуннов относится, вероятно, к 20-30-м гг. V в. Вместе с тем, обложив покоренные племена данью, гунны были вынуждены оставить их под управлением их вождей [2].

А.В. Ивченко указывает, что памятники гуннов в Северном Причерноморье можно разделить на два локальных варианта (крымские альциагиры и гунны «внешней степи»; этническая неоднородность?) [3].

Возвращение части гуннов в Восточную Европу имело место в I-й пол. V в. В 430-431 гг. гунны-утигуры возвращаются из Европы в Предкавказье через Боспор. Они «со своим вождем решили вернуться домой, с тем, чтобы в дальнейшем владеть этой страной одним» (Procop. BelloGoth. VIII, 5). Утигуры оттеснили альциагиров и прошли в Крым, где их и локализует Прокопий: «Лежащее между Херсоном и Боспором пространство занято гуннами» (BelloPers. I, 12), и «если идти из Боспора в Херсон, то всю область между ними занимают варвары из племени гуннов» (BelloGoth. VIII, 5). Движение утигуров на восток свидетельствует о том, что путь через «устье Меотиды» был им хорошо известен и ранее использован при движении гуннов на запад.

Первыми их встретили жители боспорских поселений, находившихся недалеко от современного села Белинское и у Караларского побережья Керченского полуострова. Учитывая то, что жизнь на Караларском побережье продолжилась и далее, можно сделать вывод, о том, что с гуннами на восток ушла только часть населения, непосредственно имевшая соприкосновение с ними, это жители форпоста в Верхнезаморском, и воины с семьями из поселения Белинское. Именно они вступили в соглашение с гуннами, «...чтобы соединившись, сделать сообща переход и ... поселиться на ... самом берегу пролива ...». Не исключено, что эти готы с семьями и всем своим скарбом оказались «заложниками» беспрепятственной переправы. Наиболее вероятно, что их совместный с гуннами путь пролегал через урочище Артезиан, затем мимо развалин крепости Багерово Северное, горы Туркмен, кургана Кара-Оба, затем движение продолжилось в направлении Темир-Горы, по её южному склону и вокруг горы Хронис севера, к переправе у мыса Фонарь. Таким образом, обойдя город Боспор с севера и имея у себя в заложниках около пятнадцати тысяч (как минимум) местного населения, гунны перешли пролив на восток [4, с. 23].

Интересна хронология перехода. До последнего времени считалось, что происходило это во второй половине V в., после смерти Аттилы и распада его державы [5, с. 308; 6, с. 109-110; 7], но о событиях этого времени Прокопий Кесарийский не упоминает. Однако в его тексте присутствует следующее замечание: «В это время вандалы уже поднялись со своих мест и утвердились в Ливии, а визиготы поселились в Испании» (Procop.Bell. Got., VIII, 5). Как известно, это происходило в 430 г. Этот пассаж прекрасно разобран М.Б. Щукиным [8, с. 453], и можно только присоединиться к его мнению. Отдельно надо сказать и о времени года, скорее всего, это был конец зимы. В пользу такой интерпретации говорит тот факт, что «... гунны не хотели терять здесь своего времени, ...», т. е. они спешили перейти Меотийский пролив по льду [5, с. 297-300].

Полностью степные пространства Таврики оказались во владении гуннских орд лишь со 2-й пол. V в. [9, с. 55]. Утигуры расположились в Прикубанье, а Таврика становится местом из сезонных выпасов.

Мы не знаем, насколько мирным было возвращение утигуров для азиатского Боспора. С уверенностью можно отметить лишь один случай разгрома боспорской крепости в середине V в. – на Ильичевском городище [10, с. 376-377].

В 454 г. в битве при Недао основная масса гуннов была разбита гепидами во главе с Ардарихом, в 463 г. – сарагурами, а в 469 г. – остготами и византийцами. Погибло 30 тысяч гуннов. В 469 г. последний гуннский союз Денгизиха был разбит Анагастом, правителем Фракии. В условиях распада гуннской державы в Крым двинулись из Паннонии и иные утигуры.

Очень важным обстоятельством, на которое не было обращено должного внимания исследователями, было передвижение в Северное Причерноморье сарагуров, урогов и оногуров (Prisc.IV. 30) с Востока, из Предкавказья. Около 463 г. как сообщает Приск, они были вытеснены сабирами и двинулись на акациров. «Во многих битвах» сарагуры отвоевали себе, видимо, Северное Приазовье и отправили послов в Константинополь. Империя признала новую расстановку сил в регионе и в дальнейшем использовала позднегуннские племена Понта в своей персидской политике (Prisc.IV. 37) [11, с. 89-90].

Сарагуры, видимо, составляли союз, распавшийся во 2-й пол. V в. Оногория к востоку от Меотиды была известна в VII в. еще Равеннскому Анониму (Rav. Anon. Cosm., 2).

Известная ранее надпись КБН 1099 в новом прочтении В.П. Яйленко приобретает значение важнейшего источника по истории гуннов V в. на Боспоре. Эта надпись датируется V веком и следует структуре аналогичного типа актов римского времени. Надпись происходит из Гермонассы и сообщает, что в одной христианской общине, организованной по типу прежних фиасов, состоят лица с греческими, иранскими и, самое главное, с гуннскими именами [12, с. 165]. Эти имена соответствуют строю известных ныне гуннских имен [13]. К сотне известных гуннских имен надпись добавляет 14 новых: Оримаг, Салдих, Малдаг, Мидах, Севраг и др. Из надписи ясно следует, что гунны не уничтожили местную позднеантичную цивилизацию, но, напротив, судя по облику их потомков в V в., адаптировались к ней: восприняли греческий язык, религию и местную культовую организацию.

Утигуры, обосновавшиеся близ Боспора, по всей видимости, установили над ним военно-политический протекторат, продолжавшийся до конца 520-х гг., когда Византия непосредственно вмешалась в дела на Боспоре, сначала попытавшись крестить вождя утигуров Грода (Malal. Chron., XVIII), а после провала этой попытки прямо аннексировала Боспор.

Литература

1. Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999.
2. Щукин М.Б., Шаров О.В. К проблеме финала черняховской культуры // *Stratum+*. 2000. № 4. – С. 369-383.
3. Івченко А.В. Поява гунів у Північному Причорномор'ї // *Археологія*. 2003. № 2. С. 41–47.
4. Ермолин А.Л. Система расселения, обороны и этноконфессиональный состав населения Европейского Боспора в III–VI вв. Автореф. канд. дисс. Белгород, 2012.
5. Васильев А.А. Готы в Крыму / ИРАИМК. 1921. Т. 1. Ч. 1.
6. Болгов Н.Н. Закат античного Боспора. Белгород, 1996.
7. Altheim F. *Geschichte der Hunnen*. Bd. I-IV. В., 1959-1960.
8. Щукин М.Б. Готский путь. СПб., 2005. – 592 с.

9. Кулаковский Ю.А. Прошлое Тавриды. К., 1914.
10. Николаева Э.Я. Раскопки Ильичевского городища // Проблемы античной истории и культуры (Эйрене XIV). Т. 2. Ереван, 1979. – С. 376-377.
11. Артамонов М.И. История хазар. СПб., 2001.
12. Яйленко В.П. О «Корпусе византийских надписей в СССР» // ВВ. 48. 1987. С. 160-171.
13. Яйленко В.П. Гунно-булгары II-V вв. н.э. на Боспоре по данным эпиграфики и антропоники // Древности Боспора. № 5. М., 2002. – С. 306-324.

А. А. Бурькин,
*Институт лингвистических исследований РАН,
Россия, г. Санкт-Петербург*

**Этносы, географическая среда,
динамика климата и миграции:
к новому прочтению трудов Л.Н. Гумилева**

Изучение проблем древних и средневековых миграций народов Евразии и, в особенности, народов Центральной Азии немыслимо без присутствия в нем имени Л.Н. Гумилева (1912-1992), автора широко известных трудов по истории народов Центральной Азии, тюркских и монгольских народов.

Как известно, научное наследие Л.Н.Гумилева обширно и разнообразно, более того, с точки зрения содержания и жанра основные монографии ученого получили разные оценки в диапазоне от перспективных оригинальных концепций до популярных сочинений и произведений антинаучного характера. Даже литература в теме «Историк Л.Н.Гумилев: pro et contra» по существу необозрима. Тем не менее предмет исследований ученого и материалы его интерпретаций – Евразия, азиатские степи, циркумкаспийский регион, Тибет, тюркские и монгольские народы, и мн. др – тесно связаны со сферой деятельности ученых разных стран, представляющих различные школы и такие направления в истории и исторической этнографии, которые имеют региональную и этническую